

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.512.133

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-58-62

Шералиева М. И. | О ТИПИЗАЦИИ ГЕРОЕВ ИРОНИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Андижанский государственный университет, улица Университетская, 129, г. Андижан, 170100, Республика Узбекистан.
E-mail: mashur_sher@rambler.ru

Аннотация. В статье на примере романа узбекского писателя М. Мухаммад Доста «Лолазор» («Поле тюльпанов») рассмотрена проблема типизации героев иронических произведений. В типизации героя романа автор берет за основу его своеобразное отношение к жизни. Данное отношение в основном выражается через внутреннюю позицию. Различие внутренней и внешней позиции героя является причиной его иронического отношения к жизни, в результате чего появляется различие между «я-для-себя» героя и его «я-для-других». Именно данное обстоятельство образует своеобразие иронического модуса романа. Установлено, что ироническое отношение автора и героя к действительности является результатом противоречия между личностью героя и его характером. Указано, что выбор героя данного типа в качестве главного персонажа явился оптимальным вариантом для выражения художественного замысла автора. Характер и личность главного героя сопоставлены с основными типами повестей данного периода, указаны черты их сходства и отличия.

Ключевые слова: ирония; ироническое отношение; художественный модус; иронический модус; герой; типизация; личность; характер.

Sheraliev M. I. | ON TYPIFICATION OF HEROES OF IRONICAL LITERARY WORKS

Andijan State University, 129 University St., Andijan, 170100, Uzbekistan. E-mail: mashur_sher@rambler.ru

Abstract. On the example of the novel “Lolazor” (“Tulips field”) written by M. Muhammad Do’st, the author of the article tries to study the problem of typification of the heroes of the ironical literary work. In the process of typification of the hero the author has chosen his peculiar properties of expressing his relation to the surrounding world as a basic principle. Peculiar relation to the surrounding world is mainly expressed by his inner position. The difference between inner and outer positions of the hero is the fact which serves as the main reason for his ironical relation where appears the difference between the notions ‘I-for-myself’ and ‘I-to-others’. This very reason brings on the uniqueness of the ironical modus in the novel. The ironical relation of the author and that of the hero is based on the contradiction between personality and character of the hero. It has been stressed that the choice of this type as the main hero of the work is the most optimal version for expressing the literary aim of the writer. The character and the personality of the hero are contrasted with the main types of the stories of that time and their differences and similarities have been displayed.

Keywords: irony; ironical relation; literary modus; ironical modus; hero; typification; personality; character.

Как известно, модус художественности проявляется в единстве системы «автор–герой–читатель». Типизация героя составляет второй важный аспект модуса художественности. Иначе говоря, каждый модус художественности имеет специфический способ типизации героя [9, с. 92]. Типизация героя в соответствии с модусом художественности связана с актуальностью

авторской концепции «я-в-мире». В. Тупа отмечал по данному поводу: «Зерно художественности составляет “диада личности и противостоящего ей внешнего мира”. Этим “я-в-мире” обоснована эстетическая позиция автора, экзистенциальная позиция условного героя и ответная эстетическая реакция читателя (зрителя, слушателя). Развертыванием этой универсальной

«диады» в уникальную художественную реальность рождается произведение искусства» [8, с. 469].

В ироническом модусе позиция «я-для-себя» героя произведения отличается от его позиции «я-для-других». Такова бросающаяся в глаза с первого взгляда специфика образа героя романа Мурода Мухаммад Доста «Лолазор» («Поле тюльпанов») Назара Яхшибаева – его «я-для-себя» отличается от его «я-для-других» [5]. «Я-для-других» Яхшибаева исходит из его социальной роли и статуса, «я-для-себя» же отражает точку зрения, направленную на установление истины по крайней мере для собственной личности.

Критик Рахмон Кучкор, участвовавший в «круглом столе» на страницах журнала «Ёшлик», отмечает сходство образа Назара Яхшибаева и героев произведений русского писателя Сергея Есина «Гладиатор» и «Имитатор» [4, с. 69]. По мнению Р. Кучкора, сходство героев М. Мухаммад Доста и С. Есина раскрывает их тип изменчивости. Действительно, изменчивость, присутствующая у героев С. Есина, наблюдается и у Яхшибаева. Однако цель М. Мухаммад Доста не состоит лишь в раскрытии его способности к мимикрии. Отношение Яхшибаева к действительности построено не только на основе данной черты. В различных обстоятельствах романа перед нами предстает не только поразному меняющийся Яхшибаев, но и Яхшибаев, ищущий истину в активных внутренних диалогах, стремящийся преодолеть несоответствие между «я-для-себя» и «я-для-других» и по мере возможности осуществляющий это преодоление. Если взглянуть на Яхшибаева лишь как на изменчивый тип и признать различие его внутреннего и внешнего мира результатом его двуличности, будет снижена художественная ценность его образа, предусматриваемая автором в позиции Яхшибаева, занимаемой им в своих внутренних диалогах.

М. Бахтин писал об одной важной особенности героев Достоевского: «Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками, не как определенный облик, слагающийся из черт односмысленных и объективных, в своей совокупности отвечающих на вопрос “кто он?”. Нет, герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая

позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [1].

В образе Яхшибаева можно наблюдать особенности, отмеченные выше М. Бахтиным. Данный образ интересует М. Мухаммад Доста как обладатель особой точки зрения по отношению к миру, «смысловая и оценивающая позиция» в его отношении к себе самому и окружающей действительности выполняет в романе важнейшую художественную функцию. Внешних социальных признаков, характеризующих Яхшибаева, недостаточно для того, чтобы понять, кто он, и вынести в отношении его наш вердикт. Ибо внутренняя социализация Яхшибаева отличается от его внешней социализации. При исследовании данной особенности образа Яхшибаева литературная критика зачастую шла неверным путем и судила о нем поверхностно [6]. По сути дела, споры критиков в основном вращались вокруг вопроса «Кто такой Назар Яхшибаев?», а подобная постановка вопроса узка для выявления значимости образа данного персонажа.

М. Бахтин пишет: «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова, что не поддается овнешняющему заочному определению» [1]. Ввиду чего социальный статус Яхшибаева, его прошлое, отношения с окружающими, беседы, интриги – всё это лишь частично дает ответ на вопрос «Кто такой Яхшибаев?». Однако со временем диалоги, протекающие в его сознании, ставят под сомнение находящийся, казалось бы, на поверхности ответ на поставленный вопрос. В результате появляется сомнение в возможности познать Яхшибаева, узнать о нем правду больше, чем знает он сам. Поэтому, когда речь идет об образе Яхшибаева, критики в основном опираются на его позицию, что в особенности часто наблюдается у Р. Кучкора [3; 4]. Следовательно, для автора самопознание и самоанализ героя – его собственное «слово» важнее внешне опредмеченной характеристики.

Для осуществления художественного замысла в романе «Поле тюльпанов» автору был необходим герой с различием внешнего и внутреннего миров, способный установить истину внутренними диалогами, а введение подобного героя в центр произведения должно было служить для раскрытия художественной

правды (и отражаемой ею правды жизненной). Автор избрал в качестве такого героя Назара Яхшибаева.

Личностные (сохранение в любой ситуации внутренней свободы, стремление не заниматься самообманом) и социальные (обязанности, вменяемые его социальной ролью) особенности Яхшибаева, его социальный статус («причастность» к лицу из высших кругов республиканского значения) выбраны писателем как оптимальный вариант для реализации художественного замысла. Автору нужен герой – не лицемер, хотя и имеющий различия во внутреннем и внешнем аспекте, свободный от нравственных масок и инерционности социальной роли.

Из этих наблюдений можно сделать вывод о том, что Яхшибаев интересует автора не только как социальный характер, но и в качестве обладателя своеобразного отношения к миру. Отношение героя к миру в основном выражается посредством его внутренней речи.

Итак, почему же «я-для-себя» Яхшибаева разнится с его «я-для-других» и в чем состоит социально-психологическая основа данного явления? Нам кажется, что данное явление зиждется на противоречии между личностью героя и его характером. В телепередаче «Игра в бисер» российский писатель Михаил Веллер обратил внимание на один аспект характеристики героев пьесы драматурга Евгения Шварца «Голый король»: «Как сказки Салтыкова-Щедрина существуют в системе административных отношений тогдашней России, точно так же и сказки Щварца, “Голый король” в частности, существуют в системе королевско-государственных отношений. Вовне этих структур их в общем и целом нет, и мы имеем постоянно конфликт сущности личностной и сущности социальной человека. Личностно он представляет из себя одно, а по должности он представляет из себя другое. Это то, с чем сталкиваются люди в любом государстве, в любую эпоху»¹.

Герой романа «Поле тюльпанов» Назар Яхшибаев также обнаруживает разницу между собственной личностью и социальным обликом. Мы судим о личности человека по его характеру. Характер – внешняя сторона личности, личность

же – внутренняя сторона характера. Личность проявляется через характер. Отсюда можно заключить, что личность и характер – две стороны единого целого. В. Тюпа, анализируя произведения А.П. Чехова, предполагал необходимость различения двух вышеназванных понятий: «...в центре художественного внимания писателя (Чехова – М. Ш.) оказывается не столько характер человека, сколько его личность, иначе говоря, общечеловеческая (угол зрения притчи) природа и природа индивидуальности (угол зрения анекдота) – природа внутреннего “я”, составляющего фундамент любого характера, складывающегося под воздействием внешних обстоятельств» [10, с. 32].

В. Тюпа для аргументации тезиса о том, что рассуждение посредством раскрытия характеров не является единственной основой художественного мышления, приводит ряд высказываний из истории литературно-эстетических взглядов. В частности, такое: «Древнейшими архитектурными модификациями персонажа следует, по-видимому, признать “действующее лицо” и “психологическое состояние”, т.е. “эпическую” и “лирическую” формы героя. В ходе многовековой эволюции искусства слова на основе первой из названных форм складывается литературный “характер”, о котором говорить становится возможным не только в рамках эпоса; на основе второй формируется категория “личности” литературного героя – художественное образование, отнюдь не сводимое к лирическому персонажу» [10, с. 32]. В. Тюпа считает раскрытие значения социальной адаптации в развитии характера великим открытием классического реализма. Как он считает, первоначально в литературе классицизма как творческая доминанта проявился характер, впоследствии же в поэтике романтизма данное преобладающее положение заняла личность. Критический реализм добился взаимообъединения двух данных полюсов в изображении человека и общества: посредством характеров, формировавшихся под влиянием условий, отражалась личность героя. По мнению В. Тюпы, в произведениях Чехова данное единство двух полюсов, достигнутое в реалистическом романе, нарушается и в каком-то смысле ставит в тупик современных критиков.

Мировоззрение героев узбекской прозы поколения 70-х годов прошлого века также по некоторым особенностям не вмещается в рамки взглядов, сформированных под влиянием литературы социалистического реализма. По

¹ Игра в бисер с Игорем Волгиным. Евгений Шварц - Голый король. Передача телеканала “Россия. Культура” [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FgXIF9VVvH0>
Опубликовано: 27 апреля 2014 г.

многим аспектам литература социалистического реализма, приняв в наследство исторический детерминизм реализма критического, требует изображения в качестве черт характера всех особенностей человека, формирующихся под влиянием социальной среды, в связи с чем некоторые критики с трудом воспринимают образы, отличающиеся противоречием между внешней социализацией (характером) и социализацией внутренней (личностью) [2; 7; 11]. В качестве яркого примера можно вспомнить статью Ибрагима Гафурова «Зерикарли одамнинг истеъфоси» («Отставка скучного человека»). Критик высказывает замечания М. Мухаммад Досту за то, что образ его героя Эломонова из повести «Истеъфо» («Отставной») не вписывается в известные ранее шаблоны социальных характеров [2].

В целом, повести «Возвращение в Галатепе» и «Отставной» М. Мухаммад Досты, «Ответ» Э. Агзама и «В сторонах Аскартага» А. Агзама являются произведениями о людях, переживающих ресоциализацию, людях с воспрянувшей или активизирующейся личностью. Их ироничность по отношению к действительности и самим себе (своему характеру) в качестве ее части проявляется как результат оценки, которую они как личности дают данной действительности. Различия во внутренней и внешней адаптации, несоответствие характера (внешней адаптации) и личности (адаптации внутренней) позволяют причислить Назара Яхшибаева к вышеназванному ряду героев. Точнее, здесь речь идет о создании образа в художественном произведении, о методе его типизации. В качестве же социального характера Назар Яхшибаев резко отличается от героев многих повестей.

Имеется масса причин отрицать образ Яхшибаева как социальный характер. Однако возникает вопрос: имеет ли тогда эстетическую ценность для автора ироническая точка зрения, проявляющаяся во внутренней речи Яхшибаева? При анализе повестей того времени мы отметили, что персонажи, добившиеся и добивающиеся должности, богатства, престижа и почета за счет отречения от собственной личности, – Нодир Файзуллаевич, Хайдар Самадович (Э. Агзам, «Ответ»), Самад, Борода (М. Мухаммад Дост, «Возвращение в Галатепе») и другие герои, возвышаясь над другими образами, находящимися в тяжелом социальном положении, приобретают иронический вид, над ними подсмеиваются, их высмеивают. Их иронизация не имеет большой социально-этической ценности для авторов, они лишь служат для раскрытия

нравственно-психологического облика персонажей.

В данном аспекте Назар Яхшибаев имеет сходство с вышеназванными героями как человек, в какой-то степени отрекшийся от своей личности. Можно ли так же охарактеризовать и его ироническую позицию? Безусловно, нет. Ибо он иронически относится не только к окружающим, но и к собственной личности: последнее слово правды о самом себе автор оставляет за Яхшибаевым. Не только читатель, но и автор не скажет о социальном значении Яхшибаева, о смысле его жизненного пути больше, чем говорит нам сам герой. Соответственно следует воспринимать и художественную ценность его иронии – ее следует оценивать не только в качестве средства, отражающего отношение к высокомерию поднявшихся по социальной лестнице персонажей, но и как позицию человека, видящего собственный истинный облик и облик окружающих.

Итак, автор романа «Поле тюльпанов» в типизации героя ставит особый акцент на различие его «я-для-себя» и «я-для-других». Определенные особенности образа Назара Яхшибаева возникли в результате противоречия между его личностью и характером. В свою очередь, данное обстоятельство обнаруживает ироническую позицию героя и автора к действительности.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/> (дата обращения: 16.03.2016).
2. Гофуров, И. Зерикарли одамнинг истеъфоси // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 6 июля 1984.
3. Кўчкор, Р. Искандару Доролардан колган латифа // Мухаммад Дўст, М. Лолазор. Тошкент: Шарк, 1998. Б. 552–559.
4. Маънавий инкироз илдилари (Давра сухбати) // Ёшлик. 1989. № 3. С. 66–72.
5. Мухаммад Дўст, М. Лолазор. Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1988. 512 б.
6. Отабой, А. Биз билган одамларми? // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 23 сентября 1988.
7. Содик, С. Ёшлар киссачилиги хақида ўйлар // Шарк юлдузи. 1983. № 12. Б. 160–165.
8. Тюпа, В.И. Художественность // Введение в литературоведение / Под ред. Л. Чернец. М.: Высшая школа, 2000. С. 463–482.
9. Тюпа, В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1987. 224 с.

10. Тюпа, В.И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. 135 с.

11. Худойберганов, Н. Ҳақиқат ёғдулари. Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1985. Б. 212-213.

References

36. Bakhtin, M.M. *The Problems of Dostoevsky's Creative Activity*. Kiev, 1994. [Online] URL: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/> (date of access: March 16, 2016). (in Russ.)

37. G'ofurov, I. The Resignation of a Boring Person. (in Uzbek.) *Literature and Art of Uzbekistan*, 1984. Yule 6.

38. Kuchkor, R. Anecdotes of Iskander and Doro. (in Uzbek.) In: Muhammad Dost, M. *Tulips Field*. Tashkent: Publishing House "East", 1998. Pp. 552–559.

39. The Roots of Spiritual Crisis (Round Table). *Yoshlik*. No. 3 (1989). Pp. 66–72. (in Uzbek.)

40. Muhammad Dost, M. *Tulips field*. Tashkent: Publishing House of Literature and Art Named after G. Gulyam, 1988. 512 p. (in Uzbek.)

41. Otaboyev, A. Do We Know People? (in Uzbek.) *Literature and Art of Uzbekistan*, 1988. September 23.

42. Sodiq, S. Thoughts of Story Telling of the Youth. (in Uzbek.) *East Star*, 1983. № 12. Pp. 160–165.

43. Tyupa, V.I. *Artistry. Introduction to Literary Studies*. Ed. L. Chernetz. Moscow: Vysshaya shkola, 2000. Pp. 463–482. (in Russ.)

44. Tyupa, V.I. *Artistry of a Literary Work. Typology Questions*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House, 1987. 224 p. (in Russ.)

45. Tyupa, V.I. *Artistry of Chekhov's Story*. Moscow: Vysshaya shkola, 1989, 135 p. (in Russ.)

46. Hudoyberganov, N. *Sparks of True*. Tashkent: Publishing House of Literature and Art Named after G. Gulyam, 1985. Pp. 212-213. (in Uzbek.)

ОБ АВТОРЕ:

Шералиева Маишхура Икромжоновна, старший преподаватель, кафедра узбекского языка и литературы, Андижанский государственный университет, улица Университетская, д. 129, г. Андижан, 170100, Республика Узбекистан.
E-mail: mashur_sher@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Mashkhura Sheraliyeva, Senior Lecturer, Department of the Uzbek Language and Literature, Andijan State University, 129 University St., Andijan, 170100, Uzbekistan. E-mail: mashur_sher@rambler.ru
УДК 130.2:271.2:726.5(470 + 571)